

Ксюша Иванова

Держи меня

«Литнет»

2023

Иванова К.

Держи меня / К. Иванова — «Литнет», 2023

Деньги, деньги, деньги... В конечном итоге, все в нашей жизни упирается в них, и только в них... Хочешь квартиру? Давай деньги! В моем случае квартира равнозначна жизни, в принципе. Каждый день в ночлежке для алкоголиков и наркоманов, в которую превратился дом моих родителей, может закончиться смертью. И не только моей, но, что еще хуже, смертью моей мамы или племянницы. Но я же смогу! Я заработаю! У меня терпение - ого-го! И это небритое чудовище потерплю! Месяц всего! Деньги-то мне предложили нешуточные - полгода можно не работать! А я еще собиралась просить начальство в отпуск меня не отправлять, чтобы подзаработать. А брат у чудовища какой симпатичный! Не чета этому грубияну! Так... не думать... не думать об этом! В первую очередь - квартира, как там в песне: «Первым делом, самолеты...»

© Иванова К., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

1 глава. Ночь	5
2 глава. День, несмотря ни на что	7
3 глава. Рассвет	10
4 глава. Ольга Петровна	13
5 глава. Аля	15
6 глава. День первый	18
7 глава. День второй	20
8 глава. Роман	23
9 глава. Аля	26
10 глава. День третий	28
11 глава	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

1 глава. Ночь

Я держу тебя за руку и всё расплывается.
 Успокой меня заново. Мне ужасно нравится,
 Как ты выглядишь в этой нелепой шапочке...(1)
 Вы слышите музыку во сне? Или только видите картинки? А голоса... Звучат ли они в вашей голове по ночам? И, если вдруг слышите, то что для вас эта музыка - напоминание о каком-то событии, состояние души или, может быть, исчезающее к утру ощущение, будто бы что-то слышал, а вроде бы - и нет?

Каждую ночь я слышу музыку. К утру, когда сон особенно беспокоен, когда обостряется физическая боль. Музыка просачивается в мой очередной кошмар сначала отрывистыми бес-связными звуками, потом - нарастающей мелодией. И вот уже: "Я держу тебя за руку..." звучит нескончаемым рингтоном в моей голове. Каждую ночь, вот уже 6 с половиной месяцев... 197 чертовых дней...

А утром, которое наступает для меня еще в предрассветных сумерках, утром мой мозг терзает только один вопрос: "Почему я не умер? Почему я не умер с ними вместе?"

Ну, и, конечно, сны... Это, вообще, отдельная история. Я бы сказал, что мне снится один и тот же сон. Но это не совсем так. Обычно в начале я не вижу ничего страшного, но сердце уже стучит сильнее обычного в предчувствии, в ожидании того, что неминуемо должно случиться.

И ЭТО случается...

Я за рулем. Я знаю, что мне некуда торопиться, потому что наш самолет - только через три часа. И мы все успеем. На заднем сиденье в детском кресле сидит мой сын. Два зеленых тер-ранозавра в его руках то кусают друг друга, то яростно вгрызаются в мое кресло. Когда звучит "Случайно падали звезды..." он бьет по сиденью прямо мне в спину носком ботинка, причем четко попадая в ритм. Это немного раздражает, но я пока сдерживаюсь, хотя еще немного... и: "Сынок, прошу тебя, прекрати стучать!"

(Если бы я знал... если бы я только знал... я никогда не повысил бы на него голос. Да что там! Если бы я знал, я бы оставил его дома. Если бы я знал, я бы нашел эту тварь заранее и разорвал бы его на куски!)

Раздражение мурашками по коже ползет по рукам, от пальцев вверх под куртку... Но не столько из-за ударов, сколько по причине непрекращающегося нытья на пассажирском сиденье:

- Ромочка, милый... - (ну, какой я тебе, сука, милый? И "Ромочка" в сложенных уточкой, надутых стараниями недешевых хирургов, уродских губах звучит оскорблением). - Ну, может быть, еще не поздно? Я ведь и вещи собрала. Как Вадюша будет без меня?

- Он будет со мной, - мне казалось, я сказал, что называется, как отрезал. Но она, видно, считала по-другому. Потому что лахудра продолжала ныть, пытаюсь поймать мой взгляд:

- Я договорилась в издательстве - мне согласны дать неделю в счет отпуска.

Все, что я мог сказать на это, стало бы фразой, состоящей из нецензурных слов. И я бы сказал, но в машине сидел ребёнок.

Стараясь не слушать ее, я думал о том, как мог я пять лет назад жениться на этой лахудре, как мог целовать эти мерзкие губы. Хотя, нужно быть все-таки честным с самим собой, такими они стали уже после нашего развода. И этот факт однажды тоже был камнем брошен в мой огород, ведь денег, что зарабатывал я тогда, на подобные вещи не хватило бы точно.

Только легко доставшиеся деньги имеют свойство быстро кончатся. Особенно деньги спонсоров. Особенно, если тратить их на шмотки и губы...

Наверное, тонкая струйка финансового потока была перекрыта очередным мужиком, не сразу, но все-таки разглядевшим внутри спелой и сочной кожуры гнилую сердцевину.

Мне на этот процесс понадобилось три года, целых три года!

Наконец-то, мы подъехали к дому, где теперь жила лах... Вероника. Нужно было только пересечь перекресток. Я точно видел зеленый на своем светофоре. Соответственно, на светофоре справа должен был быть красный. Я достаточно медленно выехал на перекресток...

Этот момент... за секунду до... самый страшный. И он самый медленный. Растянутый, разрезанный на кадры, тягучий... Я успел только повернуть голову вправо, туда, откуда неслась на нас большая чёрная машина. Потом, удар. Вспышка - как будто в моем мозгу взорвалось что-то. И тишина.

... И где-то вдалеке, на самом краешке сознания тихий, прерывающийся всхлипами, голос, держащий меня, не дающий соскользнуть во тьму:

- Ромочка, сыночек, держись... Только не умирай!

Пришёл в себя в больничной палате, не помня (о, это блаженное чувство неведения, незнания, при воспоминании о котором потом, когда приходит боль, думаешь: "Не знаю, значит, этого нет").

Мама спящая, сидя на стуле. Седая голова (не замечал никогда, что у нее волосы уже такие белые... Как? Когда?) лежит на ладонях, ладони на моей руке.

Ничего себе, как замлело тело - ноги совсем отлежал! Пить... Пить хочется ужасно... Что со мной? Почему я в больнице?

Ещё не вспомнив, почему-то начинаю волноваться.

- Мама, мама, - не голос, нет, шепот, скрип какой-то... Рука слушается, пошевелил ею. Она тут же подняла голову.

- Ромочка, сыночек, - губы ее задрожали, затряслись, из глаз, красных, воспаленных, полились слезы.

- Нет, мама, нет, не говори ничего, - голос вдруг обрёл силу, - Где он? Где Вадик? Мама-а-а...

Вот именно тут я и просыпаюсь. Естественно, сто девяносто седьмой раз своим бешеным криком бужу свою несчастную мать. И все повторяется сначала.

Молнией в мозг врывается мысль о том, что я никак не могу пережить, о том, что никогда не смогу забыть.

Вероника умерла на месте.

Вадим еще целые сутки пытался жить... Но не смог...

А я... я смог. ЗАЧЕМ? Для кого? Я не спас его. Не закрыл своим телом. Я не отдал за него жизнь. Я не держал его за руку, когда он уходил...

Та тварь на черной машине погибла на месте только по одной причине - он был не пристегнут. Вылетел через лобовое стекло и напоролся головой на острый кусок металла от дверцы моей машины. Мне было жаль слышать это. Но не потому, что человек погиб, а потому лишь, что своей смертью он лишил меня смысла дальнейшего существования.

Два месяца я молчал. Ну, по ночам - это же не в счет? Я не хотел говорить. Потом до меня, наконец-то, дошло, что мать-то ни в чем не виновата. Ради нее, только ради нее стал выдавливать из себя слова.

Чувствительность так и не вернулась к ногам. Хотя, врачи говорят, что шансы есть. Нужна операция. Но чтобы она прошла успешно, мне нужно самую малость - просто захотеть жить.

Зачем?

(1) - Земфира

2 глава. День, несмотря ни на что

Как же стыдно! Говорят, человек привыкает ко всему. Не верю. Уже почти полгода мне приходится по вечерам убирать подъезды соседних домов. А я все никак не привыкну. Вот она я - красавица: в старом спортивном костюме, кепке, надвинутой на глаза, с моими неизменными спутниками - тряпкой и ведром!

Нет, это, к счастью, не основной мой заработок. Я, вообще-то, работаю в банке в отделе кредитования, чем очень горжусь. Спасибо папе, что я успела выучиться. Уже болел, а на работу все равно ходил. Последний курс доучивалась уже без отца - было очень тяжело, потому что мама, после его смерти тоже начала болеть. Ей пришлось бросить свою работу, перейти, так сказать, на легкий труд - она стала консьержкой, ну, еще поначалу полы мыла в подъездах. Денег катастрофически не хватало. Сейчас мыть подъезды она не может - сердце и давление не позволяют. Но потерять эту, пусть даже не очень доходную, работу, я не могла нам позволить. Тем более, что убирать можно в свободное от основной работы время.

Теперь вместо мамы это делаю я. Очень боюсь каждый раз, что кто-нибудь из клиентов банка меня узнает. Поэтому одеваюсь так, чтобы быть как можно незаметнее, а волосы заплетая в косу и прячу под кепку. В уши наушники, чтобы сделать работу побыстрее и не принимать так близко к сердцу. В ушах звучит:
В бесконечность одиноких дорог
Нас приводит ветер наших тревог
Где найти нам то волшебное средство
Что согреет наши сердца...

Держи меня покрепче....(1)

В ушах музыка... А я сама в известной всем, кто когда-либо мыл полы, позе, наярываю ступеньки (шваброй тут не получится). В этом доме я особо не люблю мыть полы. Потому что здесь живет мой бывший одноклассник, с которым в школе у нас были отношения, мягко говоря, не очень. Пару раз я уже сталкивалась с ним. Он прикалывался, ему было смешно. Я, стиснув зубы, делала вид, что мне все равно.

Оставалось домыть первый этаж... По ступенькам вниз... Дверь подъезда открылась. Нет, оглядываться я не буду... Чуть посторонилась, давая пройти. Но вместо того, чтобы прошагать по только что вымытым мною ступенькам вверх (и снова натоптать, как делают многие), неожиданно для меня, человек шагнул ко мне сзади, молча схватил за бедра и ткнулся своим телом, а точнее, одной частью этого тела, в ягодицы, совершая всем известные пошлые мерзкие движения. От ужаса не удержавшись, я почти ударила лбом о ступеньку. Но успела подставить руку. Вскрикнула, оборачиваясь, вырываясь всем телом:

- Отпусти, козел!

Он захохотал. Конечно, это снова был Сашка. Сволочь! Тварь такая! Обернулась с грязной тряпкой в руках, и наотмашь прямо по наглой улыбающейся морде, да изо всех сил. Удар получился что надо. Правда, о последствиях я как-то не подумала. А они не заставили себя долго ждать. Он вжал меня в стену с ревом и занес кулак. Зажмурилась. Мелькнула мысль: "Как же я завтра на работу пойду? С синяками..." Но он не успел ударить. Вновь открылась дверь и местная бабулька, увидев происходящее, запричитала, спасая мое лицо, и, в некоторой степени, гордость (все-таки последнее слово осталось за мной).

- Сашка, что же ты делаешь, подлец! За что девочку обижаешь?

Он отпрянул, сплюнул на уже помытую ступеньку и поскакал вверх, к своей квартире, матерясь на весь подъезд. Старушка, сочувственно покачала головой, посоветовала мне (вот же ж, божий одуванчик!) в следующий раз бить Сашке по яйцам, и пошла домой.

Может, бросить эти подъезды? Я мыла дальше, но мысли-то не остановишь. Крутятся - вертятся в голове, не зависимо от меня. У меня нормальная зарплата. Жить можно. У матери пенсия, плюс немного подрабатывает. Но деньги, которые я зарабатываю здесь, это немного,

но все-таки копеечка к копеечке приближают меня к общей на нас троих мечте: мы с мамой и племянницей Лизой хотим купить квартиру. Свою, пусть маленькую, пусть даже однокомнатную. Но там будем жить только мы троим. И там не будет моей сестрички и ее муженька, двух наркоманов, двух бывших людей...

А ведь когда-то они были нормальными. Поженились. Жили отдельно, квартиру купили. Мои родители нарадоваться не могли - все так хорошо у Марины складывалось. Потом Лиза родилась. А в один, далеко не прекрасный день, Марина позвонила маме и попросила взять на выходные Лизу. Это была обычная просьба. Родители с пониманием относились к тому, что молодой семье нужно отдыхать, Лизу брали с радостью. Частенько она оставалась с ночевкой. Только, в тот раз, когда в воскресенье, как всегда, мама повела малышку-внучку домой, она увидела в квартире Марины и Вити страшную картину: они и их многочисленные "гости" были в неадекватном состоянии, в квартире - разгром.

Мама испугалась, вернулась с Лизой назад. Марина опомнилась уже на следующий день. Просила прощения, клялась, что это случилось в первый и последний раз. Тогда она продержалась недели две. Ну, а дальше, кто знает, что такое наркотики, тому не надо объяснять, в каком кошмаре мы оказались.

Ипотеку они выплатить, конечно, не смогли. Квартира, бывшая в обременении, осталась банку. У родителей Марина воровала. Устраивались постоянные скандалы, часто звучали угрозы разного рода, вплоть до "убью". Лиза, конечно, жила с нами.

...Может, поэтому мой отец и ушел от нас так рано. Вот тогда, после его смерти и начался настоящий ад. Марина и Витя, помыкавшись по притонам, по его, таким же непутевым, родственникам, пришли, понятное дело, к нам. Выгнать их мы физически не смогли. Да и квартира оформлена была на нас с сестрой в равных долях еще в нормальные ненаркоманские времена. Потом пытались переоформить, но она, ведь, не дура! Полиция помогала только временно. Мы бы были рады даже, если бы их посадили, но в этом нам не везло. И теперь мы живем большой "дружной семьей": мама, я, Лиза, Марина с Витей, а также их многочисленные "друзья".

Это не просто тяжело морально, жить с наркоманами, с наглыми, злыми, иногда готовыми на все, существами. Это опасно для жизни. Я отлично понимаю, что однажды замок в двери и нож возле кровати могут не спасти наши жизни. Но ведь нам немного осталось! Еще полгода, ну, год... я даже присматриваю квартирki. Денег маловато, при том, что я приплюсовала к накопленной сумме сумму максимального кредита, который могу получить.

Конечно, скопленные деньги я не храню в доме. На мое счастье, моя работа позволяет - у меня пополняемый вклад. Наша комната взламывается и обыскивается периодически, берутся и исчезают вещи. У нас давно нет ничего ценного, а свои самые лучшие вещи я храню у соседки - маминой подружки. Всех ужасов не расскажешь, а за эти годы было всякое...

Денег, которые я зарабатываю на мытье подъездов нам троим хватает на питание. И я буду мыть, несмотря ни на что.

Обычно я заканчиваю к восьми. Купив для моих девочек вкусного, возвращаюсь домой. Звоню. Три раза, длинными звонками - это знак для моих. Мама с Лизой открывают мне двери, ждут, когда я быстро помою руки. В квартире, кроме нашей комнаты лучше ничего не трогать руками - наши "сожители" могут быть заразны. У них снова "гости". В комнате, которая когда-то у нас была залом, гостиной (как говорят продвинутые девочки на работе) странный шум. Стараюсь не вникать в его природу, быстрее закрыться в нашей комнате.

Фух, даже никто из них не вышел.

- Аля, доченька, как дела?

Мы даже готовим у себя. Мама жарит картошку на электроплитке, запах сводит с ума, заставляет буквально захлебываться слюной - конечно, в обед был просто чай с печеньем, я голодная, как волк. Лиза, наша умничка, делает уроки за столом.

- Мамочка, все в полном порядке. Лизунь, какие оценки в школе? - спрашиваю, уже зная ответ. Наша девочка - умница и красавица, учится лучше всех в классе, занимается спортом, танцами. Какие у нее могут быть оценки?

- Пять по контрольной по математике, пять за стих. Сегодня все.

- Ты - моя умница! Ты заслужила подарок. - Лизе десять лет, но она, как малышка, со всех ног бросается ко мне.

- Аля, что ты мне принесла?

Конечно, мы живем в условиях жесткой экономии, и мама, молча, через Лизину голову, с укоризной смотрит мне в глаза, но нашего ребенка так легко порадовать. Я купила ей футболку с рисунком из пайеток и колготки в цвет. Лиза скачет по комнате, Лиза рада. А вместе с ней рады и мы. Нет, конечно, мы стараемся одевать еще хорошо. Но лишнего ничего нет ни у одной из нас.

Завтра выходной. А, значит, я еду за город, в деревню. Там живет папин брат с семьей. В старом деревенском домике. Я помогаю им на огороде, а они дают нам картошку и другие овощи. Мне предстоит трудный день - посадка. Нужно выспаться. Нужно отдохнуть... Опять орут, стучат чем-то. Хоть бы только о нас не вспомнили...

В понедельник утром, по своему обычному пути иду на работу. В половину восьмого утра. Ну, как иду? Ковыляю. После огорода дико болят ноги и руки. Но с каждым шагом тело привыкает к этой боли, походка выравнивается, в ушах наушники, в которых звучит моя любимая:

То песок, то камушек, синие цветы

В том, что я не замужем виноват лишь ты.

То смеюсь, то плачу я, так судьбой назначено...(2)

И я улыбаюсь....

(1)- автор текста Тамерлан. Исполняют Тамерлан и Алена Омаргалиева.

(2)- автор текста С.Ковалева. Исполняет Алёна Петровская.

3 глава. Рассвет

После кошмара минут пять меня трясет. В буквальном смысле, дрожат руки, зубы стучат, холодный пот на лбу.

Мама, как всегда, дежурным полотенцем вытирает мне лицо. Даёт попить воды. Утро начинается с первыми лучами солнца.

- Сынок, хочу сегодня постель перестелить твою. Давай сядем в коляску. Потом массаж. Потом завтракать будем.

Мама полностью посвятила себя инвалиду. Мне жаль ее.... жаль где-то в глубине...

С ее помощью медленно, действуя одними руками, пересаживаюсь в инвалидное кресло. Она отодвигает меня к окну. Зачем-то (я не просил) сдвигает штору, распахивает одну створку. Это чтобы мне было лучше видно улицу, что ли? Но мама что-то напевает себе по нос, не хочется ее расстраивать. Поэтому молчу.

Смотрю в окно. В магазин напротив привезли хлеб. Разгружают. Мужик с собачкой, похожей на волосатую крысу, метит улицу. Бабка с палочкой проползает мимо наших окон. Эта-то куда в такую рань?..

Вдруг прямо под окном:

- Доброе утро, Капитолина Валентиновна! Куда это вы в такую рань?

Звонкий, приятный женский голос раздался до того, как его владелица оказалась в поле моего зрения. Почему-то вздрогнул вместе с бабкой - она прямо подпрыгнула под моим окном. (Капитолина - это, что, имя?)

- Ой, Алечка, напугала! В больницу я, очередь занимать!

Девушка рассмеялась.

- Капитолина Валентиновна, там же по талонам принимают. А в них время указано. Рановато вы идёте.

- Ничего, моя хорошая, я лучше подожду, вдруг талонов не хватит...

- Удачи вам.

- Спасибо, Алечка.

Девушка обогнала Капитолину и стала видна мне. Против воли следил за тем, как она шла по улице. Легкой походкой, наушники в ушах. При каждом шаге покачивается тяжёлая русая коса за спиной. Тоненькая, как тростинка. Одета в синюю строгую прямую юбку до колен, и заправленную в нее белую рубашку. На ногах черные туфли, кажется, совсем без каблука. Сумка на плече. Обычная девушка.

Полгода назад даже не взглянул бы ей вслед. А сейчас проследил до самого поворота, пока она шла через всю улицу. Смотрел и на эти несколько минут забыл ... Но когда она вернулась за угол, воспоминания вернулись. Как шампанское ударили в голову, но в отличие от напитка, вызывая только боль.

День впереди, очередной пустой день моей никчемной жизни. Сначала массаж. Мама за полгода стала настоящим специалистом. Потом я занимаюсь на специальном турнике - тренирую руки. Завтрак. Работаю на компьютере. По профессии я - программист. У нас с братом небольшая фирма - бизнес по продаже компьютеров, комплектующих, установка программного обеспечения. Матвей и без меня справляется. Фирма приносит доход достаточный, чтобы содержать такого, как я...

День тянется бесконечно долго. Вечером, как всегда, приходит Матвей. Приносит какие-то журналы, продукты... Шутит, сам же смеется над своими тупыми шутками. Стараюсь не смотреть на него, не слушать. В какой-то момент понимаю, что он смотрит на меня как-то странно.

- Что?

- Ромка, где телефон?

-Какой ещё телефон?

- Я же тебе битый час объясняю, мне нужен телефон того, помнишь, мужика, который рекламой занимается, как его, Караев? Кунаев?

- В моем телефоне.

- А где твой телефон?

Я пожал плечами. Зачем мне телефон? Я никому не звонил. Ни с кем не желал общаться. Ни от кого не ждал звонка. Матвей вот, да друг Серёга, мама еще - вот и все, с кем мне приходилось разговаривать.

- Спроси у мамы, а от меня отвали.

- Угу, держи флешку, там работка для тебя. Послезавтра вечером заберу. Дерзай. И чтоб в лучшем виде было!

Зараза, он мне ещё будет указывать! Кинул подушкой, но он успел закрыть дверь в комнату.

.... Следующее утро было повторением предыдущего. За исключением одного, в семь часов, неожиданно для себя самого, попросил мать поставить коляску к окну. Просто посмотреть. Нет, конечно, не на нее. Хотя, ладно, себе-то можно признаться, что-то было и в этом голосе, и в походке, и в косе, особенно, в ней. До половины восьмого успел в подробностях изучить всю улицу, посчитать деревья, росшие вдоль тротуара, окна в домах напротив. Без пятнадцати восемь мама зашла за мной - завтрак был готов. Именно в эту минуту из-за угла дома появилась девушка. Сказал, что приеду в кухню сам. Как замороженный уставился в окно.

Опаздывает. Вон как спешит, почти летит вдоль улицы. Коса сегодня поделена на две. Волосы светлые, судя по толщине косичек, очень густые. А если их распустить? Интересно, мягкие они, или жёсткие. Как она такие длинные расчесывает - это же мучение, наверное?

Взгляд скользнул ниже - наряд все тот же. Наушники в ушах. Жаль, лицо нельзя увидеть а, впрочем, зачем мне это? Идиот.... Не досмотрел, как она повернет и скроется из виду, уехал на кухню. Выбросить из головы! Вуайерист какой-то! Все забыл!

Забыть-то забыл, но следующим утром, как придурок, сидел у окна и ждал снова...

Сегодня снова коса одна, перекинута на плечо. Жаль, так ее плохо видно. А еще очень жаль, что окно расположено так, что смотрю только в спину. Сегодня, кажется, рубашка другая, хотя тоже белая. Дресс-код у нее на работе, что ли? Уже почти у самого поворота, прежде чем пропасть на целый день, она, раскинув руки в стороны, проходит несколько метров по бордюру, прыгивает и поворачивает. Как ребенок, ей-Богу! Она же, наверное, действительно, совсем молоденькая!

А что если... Если вечером посмотреть? К восьми она идёт на работу. Значит, в пять будет возвращаться?

Целый день доделывал "работенку" брата. Вот хитрец всю документацию, всю отчётность мне подсунул - не любит с бумажками возиться. А, в принципе, чем мне ещё заниматься? Хотя многих данных все-таки мне не хватает. Вот что значит отошёл от дел. Нужно звонить Матвею...

Стоп, почти пять. Как же самому встать? Сел. Коляску развернул к себе. Обеими руками по очереди свесил с кровати ноги. Теперь самое главное - перенести непослушное, будто чужое, тело, в коляску. Главное, чтобы коляска не отъехала. Обычно, мама помогает, но сейчас ее дома нет - ушла в магазин. Да, и не хотелось бы, чтобы она поняла, зачем я встаю.

С трудом, чуть не упав на пол, все же сел в кресло, подъехал к окну. Просидел час. Она так и не появилась. Может, раньше прошла? Жаль...

Только в пятницу в шесть вечера я увидел её лицо. Она прошла всего лишь в нескольких метрах от окна. Впервые порадовался тому, что мамина квартира находится на первом этаже - видно было хорошо. Милое чистое личико, челка полукругом, губы слегка шевелились, как

если бы она подпевала. Ага, наушники все так же в ушах. Не красавица, но приятная. Хотя не двадцать ей, нет, побольше - двадцать пять, двадцать шесть.

Как ее Капитализма назвала? Аля? Альбина или Алина? Какие же эти имена слащавые? Девчонке этой совсем не подходят...

.... Так и текли мои дни дальше. Понимал, что ничего предосудительного не делаю. Понимал, что смотрю и никому не мешаю. Но, когда наступала ночь, меня мучило чувство, что я не должен этого делать, ведь смотреть на девушку мне нравится, я получаю удовольствие. И тем самым предаю память своего сына. Я не спас его, я не имею права жить...

4 глава. Ольга Петровна

Сегодня обманула сына снова. Каждую неделю по пятницам езжу на кладбище, навещаю внука, Веронику, мужа, к родителям захожу, а Роме говорю, что к подруге на чай. Побуду у Вадюшы, поговорю с ним, пшена посыплю на могилку, чтобы птички клевали, поплачу, конечно, и как-то легче на душе становится.

Ромочке нельзя об этом говорить, нельзя даже имена их произносить... Бедный мой мальчик, всегда таким был - все в полную силу делал: если радость, то до неба, если горе -то на самое дно. Всегда был замечательным мальчиком - добрым, умным, самостоятельным. Не то, что младшенький - хулиган и задира. Хотя, зачем я так, они оба у меня - замечательные. И с Ромочкой все обязательно наладится, только нужно верить. Вот в воскресенье в храм пойду, молебен о здравии ему снова закажу...

Пришла домой, дверь приоткрыта... Не могла не закрыть, маразм, пока вроде, не появился. Может, Матвей приходил? Зашла тихонько, ого шесть часов уже - сегодня я долго!

Что-то тихо у сына. Может, спит? Потихоньку загляну... Дверь в его комнату никогда полностью не закрываю - вдруг Ромочке что-нибудь понадобится, а я не услышу?

Подошла на цыпочках, заглянула в щель....

У окна в коляске сидит? Странно... На улицу как-то напряженно смотрит, как будто ждет кого-то. Кого? Ой, хоть бы не заметил, что я подглядываю... Вдруг вздрогнул, руки сжали колеса. Кто же там? Жаль, не видно окна отсюда, самый краешек только. Вот бы глянуть хоть одним глазком!

Стоп, кто бы там не шел, он все равно, сейчас обойдет дом и выйдет с другой стороны. А значит, в окошко в моей комнате можно посмотреть. Быстрее, все так же на цыпочках... Почти бегом заскочила в спальню и к окну. Девушка какая-то идет.

Неужели, Рома на нее смотрел? Кто она? Может, он ее знает? Да, больше и не на кого. Не на Капу же? Девушка с Капитолиной разговаривает. Знакомы, значит. Так, бегом, Олечка, на улицу. Главное, чтобы Капа домой не ушла.

Бежала из подъезда, еще не понимая до конца, зачем мне это нужно. Ну, смотрел сын. Ну, он же мужчина все-таки? Может, случайно увидел?

Когда вышла, девушки уже не было, а Капа чинно сидела на лавке. Так, Олечка, только не сразу спрашивай, а то не отвяжется! Капка - она такая!

- Здравствуй, Валентиновна! Что, на вечернюю прогулку выползла?

- И тебе, Петровна, не хворать! Да, выползла, это точно, по-другому и не скажешь. Вот до скамейки еле доползла.

- А чтой-то ты одна? Где Ивановна? Мне показалось, ты с ней разговаривала!

- Ты что, Петровна, забыла никак? Ивановна ж в больнице лежит - давлению свою лечит...

Никак не вылечит, старая карга.

- А с кем же ж ты тогда беседы ведешь?

- Да с Алькой! Знаешь, что в банке на Перекальского работает?

- Нет, такой не знаю. А что она, Аля эта, от тебя хотела, пенсию твою что ли принесла?

- Почему это принесла? Еще в апреле пенсию мою она на карточку мне оформила. Кто щас пенсии по людям носит? Совсем ты рехнулась, Петровна!

- Ой, да ты у нас продвинутая стала! Пенсия у нее на карточке!

- А-то, знай наших!

- Ладно, Валентиновна, пойду я, ужин пора готовить.

- Беги, Петровна, беги!

Готовила, а сама думала, размышляла. А ведь Рома и утром стал к окну садиться. Может, по утрам тоже на нее смотрит? А если, нравится ему эта девушка? Может быть, они до аварии

знакомы были? Может быть, и она к нему не равнодушна? Ох, надо с Матвеем посоветоваться, вот если бы её к нам в гости пригласить... Вдруг Ромочка мой на поправку пойдет? Ведь и доктор наш Иван Максимович говорил, что проблема у моего сыночка в голове. Что он может на ноги встать, если сильно этого захочет. Позвоночник у него был сломан в нескольких местах, но спинной мозг не поврежден, а значит, шансы у нас есть...

Ругала себя за глупые мысли, но чем больше об этом думала, тем более осуществимыми казались мои мечты.

Набрала Матвея, он обязательно что-нибудь придумает. Сын заупрямился, сказал, что уже заезжал, так Ромка его отругал за какие-то ошибки в документах. Видеть брата не желает, приезжать тоже.

Ладно, завтра все равно явится. Ругаются они с Ромой постоянно, но и любят друг друга, в детстве стеной друг за друга стояли. Разница в возрасте у них небольшая - три года. Всегда не разлей вода были.

..... - Мам, что за глупая идея! Девушку незнакомую к нам в гости звать! Как ей это объяснить? Как это, вообще, все обставить, для Ромки? Ведь если он вдруг, действительно, к ней неравнодушен, он нам вмешательство не простит. Опять же, как узнать, знакомы ли они. Не факт, он же, когда тебе квартиру купили, в этом районе всего пару раз и был. Здесь нужно что-то другое придумать. Что-то такое, хитрое...

- Давай, давай, сыночек. Может, и правда, что придумаем. Ведь он совсем ничем не интересовался, ничего не хотел, ни о чем не просил, лежал целый день на кровати и в потолок смотрел. Как гляну, бывало, в комнату к нему, аж сердце замирает от боли. А сейчас, ты заметил, книжки стал читать, на компьютере своем клацает.

- А знаешь что, можно ведь ее сиделкой, например, к Ромке нанять. Деньги - не проблема.

- Но Матвеюшка, сынок, она же в банке работает. Зачем ей постоянную работу терять?

Матвей всегда был вспыльчивым, особенно если что-то не получалось. Вот и сейчас вышел из себя.

- Слушай, не пойму вообще, чего париться! Ты, мам, решила, что Ромке баба нужна? Это легко решить, могу бабу ему хоть завтра привести. Только с его проблемой, сможет ли он с ней хоть что-то сделать? Уж прости меня за такие слова.

- Бессовестный ты, с матерью о таких вещах говорить! Нет, сынок, не в этом дело. Он же молодой еще, ему любви хочется. А это и то, на что ты намекаешь, все-таки не одно и то же...

- Ага, любви, после того, что с ним случилось...

- Особенно после этого.

Матвей задумался. Как быстро вспылел, разозлился, так и успокоился тоже в минуту.

- Хорошо мам, я узнаю адрес этой девушки и поговорю с ней. По ходу, может, и прояснится что-нибудь.

На том и порешили. Кто же знал, что Матвей раздобудет адрес уже на следующий день. И вечером в воскресенье мы отправимся к совершенно незнакомому человеку с абсолютно нереальной просьбой.

5 глава. Аля

В воскресенье проснулась совершенно разбитая, с больной головой. А все потому, что наши "сожители" всю ночь спать не дали. Вот как так получается, нормальные люди живут-живут, потом бац, заболели, глядь, и нет их больше. Вот как отец мой. За полгода сгорел, а ведь выпивал в меру изредка, не курил. А эти какую - то дрянь себе колют. Говорят, от этой гадости люди гниют заживо, а им - хоть бы хны. Вчера дрались они ночью, Маринка к нам в двери билась, кричала, что убивают ее. Мама хотела открыть, дочка все-таки. Еле ее оттащила. Двери открывать опасно, особенно ночью.

Завтра на работу, нужно голову помыть. Уже давно мы с мамой и Лизой ходим купаться к маминой подруге - тете Гале. Причина понятна - в нашей ванной опасно, прежде чем мыться, нужно дезинфекцию провести. Хорошо, что у нас есть тетя Галя! Она нас любит, мы её тоже. Но она живет с мужем в маленькой однокомнатной квартирке, поэтому пользоваться ее добротой мы стараемся в меру.

Уже собрала вещи, чтобы идти в соседнюю квартиру, как в дверь позвонили. Может, это к Маринке с Виткой друзья пришли? Придётся подождать, пока их впустят, лучше с ними не встречаться.

Сидела, ждала минут пять. В дверь продолжали звонить. Спят он там что ли? Ко мне некому приходить - девочек с работы я не приглашаю, с единственной подругой встречаюсь на ее территории, по вполне понятным причинам. Мама с Лизой уже у теть Гали, ушли недавно. Если бы забыли что-то - позвонили бы по телефону.

А может, это службы какие-нибудь? Да, сегодня же воскресенье - по выходным они не ходят...

Как настойчиво трезвонит человек! Наглый какой! Видит же, что не открывают, значит, дома никого нет, разве не понятно?

Думала так, а ноги сами уже несли меня к двери. Открыла. На площадке стоит приятный молодой человек.

- Здравствуйте, вы - Аля?

- Да.

Вроде бы, не видела его никогда. А ничего так, симпатичный! Оценила с первого взгляда темные глаза и при этом светлые, коротко стриженные волосы, модный прикид, причем явно недешевый.

- Меня зовут Матвей. И я хочу сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

- Фены, очки, иконы, книжки и косметика меня не интересуют. Замуж за вас тоже не пойду.

Распространитель очередной, блин, а казался приятным. Хотела было закрыть у него перед носом дверь, но он удержал ее рукой. Откуда только имя мое знает? Улыбается как здорово. Ага, у них у всех улыбка профессиональная.

- Нет, Аля, предложение будет совершенно иного плана. Прошу вас выслушайте!

Он был очень милым. Наверное, я просто попала под его обаяние, только так я могу объяснить тот факт, что вышла к нему на лестничную площадку.

- Хорошо. Только быстро.

- Аля, я предлагаю вам работу, - что это за бред? - Я знаю, что вы работаете в банке, что подрабатываете мытьем полов в подъездах. Вы нуждаетесь в деньгах. Верно?

- Ну, допустим, я коплю на шубу. Что дальше?

Мне стало интересно, откуда он столько всего обо мне знает? И что это за бред, в конце концов.

- Смотрите, у меня есть брат - инвалид. За ним ухаживает мама. Но она приболела, у нас появилась возможность отправить ее в санаторий. Брату нужна сиделка, понимаете, о чем я?

- Нет. Я-то тут причем? - меня все больше и больше раздражал этот разговор. Я совершенно не понимала, что он хочет от меня.

- Я предлагаю вам поработать у нас сиделкой.

Сумасшедший, не иначе. Где я, а где сиделка?

- И что мне ради вашего брата бросить работу?

- Это всего лишь на месяц. И я заплачу вам больше, чем платят в банке в два раза.

- Не понимаю, почему с таким предложением вы пришли именно ко мне! Я объявлений о поиске работы не давала. Да и не медсестра я - уколы там всякие я делать не умею.

- Уколы делать не нужно. Работа чисто женская по дому, ну, там, приготовить, покормить, убрать, в доме присутствовать, чтобы ему помогать.

- Почему именно я удостоилась такой чести? Почему вы пришли ко мне? Я вас вижу впервые. Вдруг вы меня заманиваете в бордель, например? Привезете к себе домой, а там не брат - инвалид, а извращенцы - насильники какие-нибудь?

Он рассмеялся.

- А вы - смешная! Разве я похож на сутенера?

- Я с ними не встречалась, не знаю, на кого они похожи. Просто не понимаю...

- Может, вопрос в деньгах? Три ваших зарплаты за месяц заплачу. Соглашайтесь!

Спросила просто из любопытства, потому что большего бреда ни от кого не слышала:

- А что вы предлагаете с моей работой сделать?

- Как давно вы были в отпуске?

- Давно.

- Я поговорю с вашим начальством. Скажу, например, что хочу на вас жениться. И на месяц мы уезжаем в свадебное путешествие.

- Бред, - что это слово так привязалось ко мне? - На работу нужно будет справку о браке предоставить? Короче, не вариант...

- Тогда просто я договорюсь в больнице и куплю вам на месяц больничный.

Я подумала, что, в принципе, это - реально. Но мысль о том, почему пришли именно ко мне, именно меня выбрали для подобной работы, все-таки настораживала. Поэтому я сказала:

- Вы, конечно, обладаете богатой фантазией, но мой ответ - Нет. Всего хорошего.

Закрела дверь. И рассмеялась. Какое у него было ошарашенное лицо - явно не привык к отказам. Ха! Посмотрела в глазок - Матвей постоял немного, развернулся и ушел.

Я сходила в комнату, собрала вещи и уже нацелилась - к тетя Гале отправиться. Вдруг в дверь позвонили снова. Ну, и наглец! Сейчас доходчиво укажу направление, куда ему идти! С заготовленной фразой распахнула дверь... но за ней стояла пожилая женщина, седая, в очках, прилично одетая, с аккуратно уложенными волосами.

- Здравствуйте, Аля.

Да что же это такое? Сегодня прямо толпой идут незнакомые люди, которые хорошо обо мне осведомлены! Или это с Матвеем?

- Здравствуйте! - все-таки не сдержалась и добавила. - Что вам надо?

- Меня зовут Ольга Петровна, я - мама Матвея и Ромы. Матвей, вам рассказал о нашей беде. Я хочу вас попросить. Поймите, есть причина, по которой мы пришли именно к вам.

Женщина говорила торопливо, видимо, опасаясь, что я не стану слушать. Но мне почему-то стало жаль ее, все-таки она - мать инвалида. Решила дослушать до конца.

- Понимаете, у Ромочки трудная судьба. В аварии, в которой он стал инвалидом, погибла его жена и маленький сын. Он не хотел жить. Он так страдает..., - на глазах у Ольги Петровны появились слезы, мне, конечно, стало ее жаль. - А недавно я стала замечать, что он по утрам

и вечерам в определённое время в коляске своей подъезжает к окну и смотрит. Он на вас смотрит, когда вы мимо идёте. Я несколько раз проверяла - точно на вас.

Что? Какой-то мужик смотрит на меня в окно каждый день, а я хожу себе и ни о чем не подозреваю! Ужас! Извращенец! Видимо, женщина догадалась, о чем я думаю.

- Нет, вы не подумайте, мой Ромочка, он - нормальный... я понимаю, все понимаю... простите, наверное, мы зря пришли. Матвей меня пытался отговорить. Просто подумала, если вы вдруг ему, действительно, нравитесь. Может, у него хоть какое-то желание жить появится, стимул какой-то, если вы пообщаетесь...

В ее голосе была такая тоска, такая боль за своего ребёнка, что я невольно задумалась, а может, все-таки помочь? Да, и опять же, на работе можно и в отпуск попроситься, за 5 лет я только раз его брала. Да и деньги не лишние...

Женщина, видимо, расценила мое молчание, как окончательный отказ, потому что из ее глаз побежали слезы, и она повернулась, чтобы уйти. Я неожиданно для себя самой сказала:

- Ольга ...э-э, Петровна, хорошо, я подумаю над вашим предложением.

Она вернулась, схватила меня за руку, стала благодарить. Мы договорились, что завтра вечером я позвоню и дам ответ.

Укладываясь спать, я мысленно представляла себе этого Рому. Он виделся мне похожим на брата, таким же милым и симпатичным. А еще я ему нравлюсь... Эта мысль, почему-то сейчас не показалась настолько странной, как во время разговора с его матерью.

Но утром я пошла на работу другой дорогой.

6 глава. День первый

- Мама, ну, что, ты вещи-то собирай! Завтра в семь, чтоб была готова. Она во сколько придёт?
 - Ой, сыночек! Через час должна! Ой, зря, зря, мы это затеяли!
 - Мама, прекрати!
 - Матвей, ты уверен?
 - Мама, не начинай! Ты сама сказала, что он на нее смотрит!
 - Ой, не знаю... а вдруг, мне просто показалось... Может, он на разгрузку продуктов возле продуктового смотрит, кстати, туда в полвосьмого хлеб привозят...
 - Дело сделано. Она согласилась. Пусть все идет так, как мы запланировали.
 - Сынок, как я Ромочку оставляю? Он же без меня и в коляску не сядет... И предчувствие у меня какое-то...
 - Для этого мы и наняли эту девочку - в коляску садить. Я бы на твоём месте больше за драгоценности переживал - у нее же сестричка с муженьком, оказывается, наркоманы, вдруг влезут? А Ромка... его точно не украдут!
 - Сынок, откуда ты знаешь?
 - Откуда, откуда? От соседей ее. Знаешь, народную мудрость: "Хочешь узнать о человеке что-нибудь плохое - спроси соседей"?..

 В полвосьмого, как договорились, я подходила к дому, в котором мне придется месяц работать сиделкой для мужчины-инвалида.
 На работе мне дали отпуск. И отпускные выплатили! Сегодня Матвей скажет, сколько он мне заплатит. Боялась мечтать об этом, но, понимала, что сложив эти деньги, и отложенные мной и мамой, на первоначальный взнос вполне смогу наскрести. Ипотеку возьму - для своих сотрудников в банке с этим проблем не будет... Утро казалось таким прекрасным - птички поют, солнышко светит, как же хорошо!
 Перед дверью, правда, стало страшновато. Но игра стоит свеч, глубоко вдохнула и нажала на кнопку звонка...

 - Что-о? Ты уезжаешь? Вы наняли мне сиделку? А меня кто-нибудь спросил, нужна она мне? Может, я не хочу, чтобы здесь кто-то чужой мелькал? Мне почему никто ничего не говорил?
 - Потому, братик, и не говорили, что у тебя реакции не адекватные! Какая тебе разница! Подумаешь, сиделка! Матери тоже, между прочим, отдыхать нужно!
 - Да пусть отдыхает. Я тут причем? Я сам справлюсь...
 Не успел договорить, как раздался звонок в дверь. Сиделка, блин, пришла! Только этого мне не хватало! Зачем мне нужна чужая тетка, которая будет на меня, такого, смотреть?
 Мама кинулась открывать. Матвей тоже вышел. Из кухни доносились негромкие голоса, причем, голос сиделки показался мне смутно знакомым. Минут через десять возле двери раздались шаги. Я сидел в своём кресле у окна, когда дверь в комнату распахнулась. На пороге стояла та самая девушка, за которой я, как помешанный, наблюдаю вот уже две недели из окна! Она - сиделка!? Как? Этого мне ещё не хватало! Ни за что! Эта девчонка будет стирать мои вещи? Засовывать меня в каталку? Еду мне готовить? Они тронулись?
 Я молча смотрел на нее. Вблизи она была еще симпатичнее, чем из окна. Глаза зеленые, темно-русые волосы, прямой маленький носик - косметики практически нет, ресницы только покрашены. Такая маленькая, что мне по плечо, наверное, будет. Ну, да, по плечо, если бы я мог стоять...
 Она тоже разглядывала меня, причем без всякого стеснения. Медленно обвела взглядом снизу-вверх: слегка скользнула по коляске, неподвижно стоящим на подножке ногам, почему-то остановилась на руках, а потом - подняла глаза вверх.
 И было в ее глазах что-то такое... непонятное... не жалость и смущение, чего я ожидал и боялся, а удивление и ...? Не понимаю.
 - Мне не нужна сиделка.
 - Ну, во-первых, здравствуйте! Меня зовут Аля.
 - А во-вторых, еще раз повторяю: мне сиделка не нужна.
 - Ваши родственники думают по-другому. Можете считать меня ... домработницей, например, если уж сиделка вам не нравится.
 - Девушка, вы, что, не понимаете? Я отказываюсь от ваших услуг! Мне не нужна ни сиделка, ни домработница, ни нянька, никто!
 - Послушайте...Р-роман! - она так и сказала, особо подчеркнув первую букву. - меня нанял ваш брат, он платит деньги, работа меня устраивает, значит, я буду делать то, что от меня требуется.
 - То есть я - ваша работа, и мое мнение вас не интересует?
 - Ваш брат предупреждал, что вы примерно так и будете себя вести.
 Она была абсолютно спокойна, тогда

как я просто выходил из себя.
 - И вы согласились, зная, что вам тут не рады?
 Она не успела ответить, потому что в комнату зашел Матвей. С порога начал:
 - Рома, вы уже познакомились? Аля, пойдемте, мама для вас приготовила целую тетрадь с указаниями, что и как делать. Ну, еще хочет показать, где что лежит...
 Девушка улыбнулась брату, посмотрела на него с явной симпатией. Почему-то мне от осознания этого стало неприятно. Он, глядя на нее, чуть слюни не пускал, паршивец! Пропустил ее, оглянулся на меня и, кивнув ей в спину, поднял вверх большой палец - типа, классная девчонка и тебя, братец, уделала!

Первый рабочий день закончился очень быстро. Ольга Петровна, действительно, приготовила для меня тетрадь со списком дел, которые нужно делать ежедневно. В принципе, ничего сложного: готовить еду - обычную домашнюю пищу (суп, кашу, котлетки, рыбу, гарниры), похоже, мой подопечный, в еде был непривередлив. Кроме того, уборка, стирка, постель его перестилать через день, продукты покупать - Матвей будет заезжать по вечерам проверять, как дела, купать брата, и давать мне деньги на мелкие расходы и продукты.
 Я все это выслушивала, как во сне. Думала я о встрече с Романом. Нелегко мне придется с ним - вон, как он настроен против меня. Но ради своей цели я все выдержу! Месяц всего потерпеть нужно! Это же ерунда! Ради квартиры своей можно и не такое выдержать! У, чудовище небритое! Грубиян неотесанный! Для него же стараются, а он... глазами своими черными полыхает...
 И как два таких разных человека могут быть сыновьями одной женщины? Брат-то у чудовища какой симпатичный, не чета этому грубияну! Так не думать, не думать об этом!
 ... Только вечером, лежа в постели, ворочаясь без сна, я все прокручивала в голове тот момент, когда вошла в его комнату и впервые увидела его. Я представляла Романа несчастным, больным человеком. Но в инвалидной коляске сидел красивый молодой мужчина, лет на пять-шесть старше меня...
 Нет, не так! В коляске сидел потрясающий мужчина, красивее я видела, разве что в фильмах! Я толком не разглядела ни комнату, ни, собственно, коляску, в которой он находился. Я была поражена, сбита с толку, выбита из седла, причем все это - одновременно!
 Несмотря на то, что он сидел, а я стояла перед ним, он подавлял своей силой, своей мощью. А какие у него широкие, мощные плечи! Какие мускулы на груди под тонкой футболкой! А руки, лежащие на колёсах - просто произведение искусства: длинные пальцы, вены выступающие на запястьях... И лицо - просто мечта фотографа! Глаза темные, почти черные... И щетина эта его не портит совсем, даже наоборот, еще красивее делает...
 Как? Как я буду работать в этом доме, если смотрю на него и забываю, как меня зовут? Хотя, в принципе, есть одно средство: поменьше на него глазеть, побольше слушать. Да, когда он открывал рот, мне жутко хотелось бросить в него что-нибудь, да потяжелее...
 Не смотреть на него, не смотреть... с этими мыслями я заснула.

7 глава. День второй

- Сыночек, пожалуйста, не молчи! Тебе снова этот кошмар снился? Миленький мой, никуда не поеду. С тобой останусь!

Мама плакала, прижимаясь губами к моей щеке. Меня трясло сильнее обычного. Это было не так, как всегда. А еще... я не помнил сна, не помнил кошмара, который обычно по утрам могу пересказать посекундно, так четко он отпечатывается в моей голове, и такой острой болью разрывает сердце.

Мне снилось что-то, но что? Я не помнил совершенно. Только тело помнило...

Я подумал, что матери, наверное, очень нелегко видеть меня в таком состоянии каждый день. А я, сволочь, вообще, не забочусь о ней. И, правда, ей просто необходимо отдохнуть.

- Мама, нет, ты поезжай! Правда! - голос был хриплым, но он был! Обычно утром я не мог разговаривать, потому что некоторое время ещё находился там, в машине...

- Рома, вчера ты говорил совсем другое.

Да, вчера я просто метал молнии, когда Аля ушла. Я был настолько зол на Матвея и мать, что не мог сдержаться и практически орал на всю квартиру:

- Мама, ты можешь ехать, куда угодно! Я тебя не держу! Но зачем вы притащили сюда эту девку - не понимаю!

- Но, сынок, Матвей не сможет проводить с тобой все время, а ты один...

Мать не могла выжать из себя единственно правильные сейчас слова: "Сынок, ты - инвалид, и один ты беспомощен, как ребенок!"

- Я справлюсь без вас, и уж точно обойдусь без этой, как ее там...

- Ее зовут Аля, и она - очень милая девушка!

Милая? Эта нахалка, которая с порога заявила, что музыку заказывает тот, кто платит? Я понял, что все уже решили без меня, и сиделка у меня все-таки будет. Но ничто, ведь, не помешает мне сделать так, чтобы она сама ушла!

- Я так понял, что вы меня не слышите. Делайте, как считаете нужным. Только оставьте меня в покое!

Но это было вчера, сегодня, когда я немного успокоился, ситуация уже не казалась мне такой же несправедливой.

- Мам, прости меня! Я - плохой сын! Ты вынуждена сидеть со мной целыми днями, а ты у нас ещё совсем молодая... Ты знаешь, я совсем не против твоей поездки. Просто не нужно было эту девушку нанимать.

- Сыночек, миленький, что плохого в том, что она будет тебе помогать?

- Мам, ты, правда, не понимаешь? Не понимаешь, как неприятно мне, что девушка видит меня таким ... беспомощным?

- Привет, семья! - В квартиру, позвякивая ключами от машины, вошёл Матвей - как всегда с иголки одетый, свежесбривший, благоухающий дорогой туалетной водой. - Мам, ты готова?

Мама виновато посмотрела на меня и сказала:

- Сейчас Алю дождемся и тогда можно ехать.

- Она во сколько будет приходить? - Матвей был явно не против ее подождать.

- Вообще-то, я попросила ее ночевать здесь...

- Что-О? - В один голос закричали мы с Матвеем.

- И, что, она согласилась? - Я был в шоке. Она здесь будет ночевать?

- Ромочка, прошу тебя...- Мама снова заплакала. - иначе, я просто никуда не поеду...

В дверь позвонили, Матвей бросился открывать, а я сидел и, сжав зубы, смотрел, как Аля с большой сумкой на плече, улыбаясь моему брату, входит в мой дом и в мою жизнь на целый месяц...

... Через полчаса мама с Матвеем уехали. Аля на кухне громыхла посудой. Я решил жить так, как будто я в доме один. А по плану у меня тренировки. Руки должны быть сильными, раз уж с ногами беда, иначе никак. Подкатив коляску к кровати, ставшим привычным движением, пересел, повернул непослушное тело. Развернул турник, прикрепленный к стене, и постарался выбросить все лишние мысли из головы.

Но позаниматься удалось недолго, в какой-то момент почувствовал на себе взгляд, в комнате стояла Аля и разглядывала конструкцию, на которой я занимался. Давно она тут?

- Чего тебе?

- Завтракать будете?

- Э-э, я буду рисовую кашу и оладьи со сметаной. И чёрный чай без сахара.

- Вообще-то, Ольга Петровна приготовила омлет и булочки.

- Так и быть, омлет и булочки можешь... съесть сама, а мне - рисовую кашу и оладьи. Со сметаной. И учти, что я завтракаю ровно в девять.

Она выразительно посмотрела на часы, висящие на стене. Я сделал вид, что не понимаю ее намека. Ну, и что, что уже полдевятого. Давай, беги уже! И учти, что тебе еще в магазин бежать - сметаны-то в доме нет! Ее у нас никто не ест, но тебе это пока знать не нужно... Аля рванула на кухню. Я задумался.

Как же интересно было наблюдать за тем, как на ее лице меняются эмоции: от удивления и непонимания до раздражения. Девочка, это только начало! А, вообще-то, жаль, что нельзя понаблюдать за тем, как она там крутится на кухне! Она - такая милая со своими этими косичками. Такая домашняя в мамином фартучке...

Вот же, гад! Какая тебе разница, что есть? Чем плох омлет, о, да еще и с ветчиной! А булочки - просто мечта! Так некогда разглядывать, быстрее, быстрее!

Молоко с промытым рисом - на плиту. Разбиваем яйца, соль, сахар, что там еще? Сода нужна, вроде бы? Где она? Вот какой-то порошок белый! Она или не она? Погасить же еще ее надо? Блин, молоко убежало...

С горем пополам, без пяти девять на столе стояли две тарелки: с кашей (на вкус, вроде ничего!) и пятью тощими (не то, что у мамы), но вроде, съедобными оладьями. Чай заваривается. Налью по ходу дела. В кухне, правда, воняет подгоревшим молоком (хоть и плиту успела помыть, но вытяжка и окно должны же справиться?) Так, что еще, что еще? Сметана где? В холодильнике я её не нашла. Хотела налить ему сверху на оладьи майонез, но вовремя вспомнила о той сумме, которую мне пообещал заплатить Матвей (даже больше, чем три моих зарплаты!). Схватив деньги, бегом - в магазин, благо, что он сразу за домом.

Ровно в девять я зашла в его комнату. Он уже сидел в коляске. Сам справляется, хотя меня предупреждали, что в этом я должна тоже помогать. Это - самое страшное, не представляю даже, как к этому чудовищу прикоснусь - он же меня укусит, точно!

- Кушать подано! - про себя добавила строчкой из любимого фильма, - "садитесь жрать, пожалуйста".

- Ну-ну, - протянул он, - сейчас посмотрим, можно ли, вообще, "кушать" то, что ты готовишь...

Он въехал в кухню, видимо, почувствовав запах, обернулся и внимательно посмотрел на меня.

- Это что?

- Как вы и просили, каша и оладьи. Со сметаной.

- Нет, что это так воняет? Отрава какая-то? В кашу, что ли добавила?

Вот же, зараза! Что признаваться что ли? Да ни за что не скажу, что молоко убежало!

- А вы не знали, что пурген пахнет именно так? Только не в каше, а в оладьях - вместо соды.

Мне показалось или в его глазах промелькнул смех? Он умеет смеяться? Да ну, показалось, наверное.

- Учти, в случае чего, с толчка меня будешь поднимать ты... - с опаской глядя на оладьи, он стал есть кашу. - Ты тоже можешь поесть...

- Нет уж, только после вас!

Я медленно наливала ему чай, потом мыла посуду, при этом исподтишка наблюдая за ним. Это реально было круче, чем смотреть фильм с каким-нибудь там Брэдом Питтом! Да, кто такой этот Питт рядом с этим парнем? Он бы плакал, если бы встретил это чудовище: "Я больше не самый красивый на свете..." А как он ест... о-о, и оладьи? Я ловила себя на том, что замираю, забывая делать то, что пыталась делать до этого. Подруга Маруся говорила когда-то (а я ещё смеялась над ней), что любит наблюдать за своим парнем, когда он ест, что он делает это так сексуально, что она прямо сходит с ума. Теперь-то я поняла, о чем она. И дело не только в сметане, которую он слизнул с уголка губ. Еще дело в том, что он, наконец-то, молчит...

8 глава. Роман

Старался есть, как можно медленнее. Нет, не для того, чтобы растянуть удовольствие. Мама, конечно, готовит лучше. Но приготовленное Алей, в принципе, есть можно. Сметана только... Но сам просил со сметаной...

Смешно было из окна наблюдать, как она несется в магазин. Вот если бы и там не оказалось! Но нет, нашла.

Не спешил... Просто было что-то необычное, волнующее в том, что рядом посуду моет чудо с косичками, которое с интересом посматривает в мою сторону. Чем только вызван этот интерес? А, в принципе, за ущербными во все времена люди наблюдали с любопытством. Не зря же раньше в цирках выступали горбатые, лилипуты, карлики, всякие волосатые и просто уроды...

Но все когда-нибудь заканчивается. И олады закончились тоже... А уходить, то есть уезжать, не хотелось. Чаю еще попросить, что ли?

- Аля, налей мне еще чаю! - протянул ей чашку. Она осторожно взяла, причем от меня не укрылось ее нежелание дотрагиваться до меня. Неприятен. Ну, собственно, этого и следовало ожидать. Сам этого добивался. Да и какое чувство может вызывать у современной привлекательной девушки такой, как я? - Что у тебя там по плану?

- В каком смысле? - чашку с чаем не протянула мне, а поставила на стол.

- Ну, чем будешь заниматься? Что там Ольга Петровна накатала в своей рукописи? Зерна разделить? Котлы почистить? Ковры выбить? Карету помыть?

- Все зависит от того, что вы, Роман, предпочтете съесть на обед, - по тому, как она старательно отводила глаза, не желая смотреть на меня, я понял, что ей здесь так же не хочется находиться, как и мне ее видеть.

- Я бы, конечно, предпочел кулебяку с капустой... - следил за ее лицом, ожидая реакции. Она вскинула глаза на меня. Не умеешь кулебяку, значит? Возьмем на заметку... - Но, так и быть, съем то, что приготовила Ольга Петровна. Она же, наверное, подготовилась и к обеду?

- Борщ и котлеты с гречкой, - Аля немного помолчала и добавила. - Борщ, я так понимаю, со сметаной.

Внимательно всмотрелся в ее лицо, так и есть, улыбается. Поняла, что я ее не люблю. Значит, внимательно, за мной следила. Почему-то понравилась эта мысль.

- Естественно... - отступать некуда. - Ну, раз готовить не нужно, значит, у меня есть для тебя дело. Понимаешь, мама стареет. Давно не стирала шторы - развешивать их трудно для нее. Раньше я помогал (врал, конечно, но шторы - это казалось мне делом нелегким, как раз для нее), а теперь... сама видишь... Короче, их нужно снять, постирать, погладить и развесить...

- Я так понимаю, во всей квартире?

- Конечно, и начни, пожалуйста, с моей комнаты.

- Я надеюсь, стирать могу в машинке или вы предпочитаете ручной труд?

- Боже упаси, я что, изверг какой-нибудь? В машинке разрешаю...

Вернулся в комнату. Пересел в кровать, прикрылся ноутбуком и стал ждать, когда начнется работа.

Минут через десять Аля появилась в комнате. Я поднял глаза. Челюсть отвисла сама собой. Она переоделась. Если раньше была в джинсах и футболке, то теперь вместо обычных ничем не примечательных штанов, на ней были коротенькие шортики, обтягивающие и открывающие моему взгляду длинные стройные, совершенно белые, без тени загара, ножки.

На голове - косынка, завязанная на манер банданы, в ушах наушники. Но, косынку я увидел только потому, что смотреть на нее я начал сверху. Взгляд, спустившись вниз, возвращаться не собирался. Может быть, я бы еще справился с собой, но она, подставив к окну стул,

принесенный с собой, залезла на него. Вот тут-то я и пожалел о том, что, вообще, это со шторами придумал...

Она тянулась вверх, снимала штору, а вместе с ней вверх тянулась ее футболка, открывая достаточно широкую полосу светлой кожи с хорошо видной дорожкой позвоночника. А шортики, казалось, от этих движений еще плотнее обтягивали небольшую, упругую на вид, задницу. Так как Аля смотрела вверх, и голова была запрокинута, то косы ее, точнее, их кончики дотрагивались до ягодиц, как бы гладили их при каждом движении девушки.

Хорошо, что у нее в ушах наушники и она повернута в другую сторону, потому что делать вид, что я работаю в ноутбуке я просто не мог. Я судорожно следил за каждым ее движением.

До того момента, впрочем, пока не почувствовал подзабытое уже за полгода, но такое знакомое по прошлой жизни, по жизни до аварии, движение в собственных штанах. Я с удивлением уставился вниз, на несколько секунд забыв даже о девушке. Я знал, конечно, что в случаях, когда человек утратил подвижность при целостности спинного мозга, половые функции обычно восстанавливаются. И при неработающих ногах, говоря простым языком, член работать мог бы. Только в моем случае получилось так, что полгода я не чувствовал себя мужчиной. Но, в принципе, разве я как-то способствовал восстановлению этого процесса? Большую часть дня я лежал в кровати и думал, работал в компьютере или, как сумасшедший тренировался, чтобы вымотать себя и забыться сном, надеясь устать так, чтобы спать без сновидений.

Да, я читал книги, смотрел фильмы. И иногда, если вдруг в них случался момент, так скажем, интимного характера, я думал о том, что мог бы отреагировать на него определенным образом, но... Подобной реакции не происходило. А сейчас все случилось, практически без моего на то желания. Я просто любовался ею...

Но ведь целых полгода я совершенно не думал об этом. Мои мысли занимало другое. И тут я, наконец, вспомнил о сыне. Как я мог забыть? О чем я думаю?

Стоило только в доме появиться бабе, одеться (или раздеться) поменьше, и я забыл о сыне, забыл об аварии, забыл о своей вине...

А она тоже хороша! Чего это здесь крутит своими прелестями? Ни стыда, ни совести!

- Эй, как там тебя, Альбина, Алина! - где-то в глубине души я понимал, что девушка не виновата, что она оделась так, как ей удобно для работы, но меня, в буквальном смысле, несло...

Она оставила полуснятую штору, повернулась на стуле и, вытащив один наушник, вопросительно уставилась на меня. Ее щеки покраснелись. Из-под косынки выбились пряди волос. Она была такая милая, такая невинная, нежная, что я, забыв о том, что хотел сказать, с трудом сглотнул ставшую вязкой слюну.

- Я говорю, как тебя зовут?

Она смотрела на меня, как на сумасшедшего.

- Аля.

- Это значит - Альбина? Или Алина?

- Нет, меня зовут Алевтина, в честь бабушки, маминой мамы.

Первый раз слышу такое имя. Вот прямо для нее оно. Очень ей подходит. Такое же одновременно простое, и в то же время необычное. Я забыл о том, что хотел над ней поиздеваться. Махнул рукой, показывая, что она может продолжать, а сам уткнулся в компьютер и больше ни разу не взглянул на нее за все время пока снимала, а потом спустя пару часов развешивала шторы.

Во время обеда она, накрыв стол и позвав меня, сразу же ушла из кухни - гладить отправилась, видимо, боится не успеть сделать сегодня то, что приказал ей я.

Вечером пришёл Матвей. Они сидели на кухне. Мне было слышно, как она смеется, как что-то весело рассказывает ему. Это было глупо, но я ревновал, и сам понимал это. Кого? Практически незнакомую мне девушку. Ревновал настолько, что хотел вышвырнуть из дома собственного брата.

Ужинал снова в одиночестве, потому что Аля с Матвеем уехали в магазин. Ну, как ужинал? Кусок-то в горло не шел.

Матвей, как обычно, помог мне помыться. И это было унижительно вдвойне. Ведь помимо обычной моей беспомощности добавилось еще и чувство стыда, потому что она была в соседней комнате и хорошо понимала, наверное, что именно происходит в ванной.

Я был даже рад, что этот ужасный день, наконец, закончился. И, как это ни странно, заснул сразу же, как только голова коснулась подушки.

9 глава. Аля

Он сбивал меня с толку, потому что рядом с ним я испытывала совершенно исключаящие друг друга эмоции: хотелось накричать, показать ему, что он своими детскими капризами выводит меня из себя; но еще больше хотелось смотреть, не отрываясь, просто смотреть на него - на то, как он хмурится, сдвигая к переносице брови, как бугрятся мускулы под тонкой тканью футболки, когда он крутит колеса инвалидной коляски. Но особенно на искорки в темно-карих глазах, и не важно, что появляются они, когда он издевается надо мной.

Бежать из этого дома, от этого злого, обиженного на судьбу мужчины, от его красоты из-за которой дрожат руки! Особенно тяжело находиться с ним в одной комнате - в замкнутом пространстве его присутствие ощущается так сильно и ярко, будто он все время стоит за спиной.

Шторы не поддавались, как живые цеплялись за крючки, руки моментально уставали, стоило только поднять их вверх. Эта работа, конечно, не была новой - дома уже давно шторами занималась именно я. Просто каждой клеточкой тела я чувствовала его взгляд на себе, и от этого жаркого взгляда не слышала музыку в наушниках.

Когда он окликнул меня, поняла, что, наверное, нужно было остаться в джинсах. Потому что, спрашивая меня об имени, смотрел он на мои голые ноги. Просто джинсы у меня одни единственные, на все случаи жизни, а рабочий спортивный костюм сюда я не брала... Неужели все-таки я ему нравлюсь? Я? Ему? А может, все дело в том, что он сидит тут в квартире один, и у него просто давно не было женщины?

И что ему имя мое не нравится? Нормальное имя... Я же про его имя ничего не говорю. Да, хотя, что его имя? Красивое звучное - какой хозяин, такое и имя... Роман, Рома, Ромочка... Очнулась возле гладильной доски - чудом не спалила чужие шторы. Аля, думай о работе! Какой он Ромочка? Он - небритое чудовище! Самый вредный мужчина на свете!

Вечером приехал Матвей, привез пирожные и шоколадные конфеты. Протянул мне оба пакета и сказал:

- Это тебе, - кивок на пирожные, - А это Ромке.

- Никогда бы не подумала, что Роман любит шоколадные конфеты.

- Ага, так и кажется, что его любимое блюдо - кусок непрожаренного мяса... Но нет, он у нас сладкоежка...

- Сладкоежки, вообще-то, милые и добрые люди.

- Что достал он тебя?

- Ну, не то чтобы достал, но няшкой его точно не назовёшь.

Матвей рассмеялся.

- Я, как его брат, и виновник твоих мучений в этом доме, готов компенсировать...

- Ну, во-первых, ты мне платишь - и этого достаточно. А во-вторых, я сама согласилась...

- Предлагаю все-таки, в качестве компенсации, свозить тебя за покупками в магазин. Обычно я покупаю сам по мамину списку, или ее беру с собой. Но, может быть, тебе что-то нужно?

- О, это было бы здорово! И, если можно, на минутку ко мне домой нужно заехать - кое-что взять.

- Без проблем, собирайся!

Дома я решила взять спортивный костюм, дабы избежать ситуаций, подобных той, что случилась сегодня.

Мама с Лизой уехали на две недели к мамину брату в деревню. У Лизы начались каникулы, а мама взяла себе отпуск. И это было здорово, ведь иначе я не смогла бы согласиться

на просьбу Ольги Петровны и оставаться здесь на ночь. А ведь за это она предложила мне доплатить. Я не могла не согласиться!

Матвей остался в машине, а я, побежала домой. Мечтала этого избежать, но в прихожей столкнулась с Витькой. Он, кажется, был пьяным, хотя может это наркота так на него действует? Я хотела молча прошмыгнуть в нашу комнату, и закрыться изнутри, но он качнулся в мою сторону, схватил за руку.

- Алька, мне нужны деньги. Дай пятихатку!

Пыталась вырвать руку, но хватка была бульдожья.

- Где я тебе возьму? Нету у меня!

- Врешь, зараза! Есть у тебя! Не дашь, завтра к тебе на работу в банк приду - такой скандал закачу - мигом работу потеряешь!

- Козел ты, Витька! Я, между прочим, ради твоей дочки работаю - ее содержу, тогда как ты - нарик убогий, забыл, вообще, что у тебя дочь имеется!

Знала, что зря нарываюсь, он вполне мог и ударить - но не стерпела. Витька, действительно, занес руку. Но скорости ему явно не хватало, я успела вырваться, правда, поняла, что комнату отпереть не успею, поэтому рванула на улицу, так и не взяв свои вещи. Ладно, лучше светить перед Романом голыми ногами, чем бланшем на лице...

Стоп, Витька откуда про мою работу знает? Вот сволочь, столько времени удавалось скрывать... А ведь запросто может туда явиться! Хорошо хоть пока меня там не застанет! А там, через месяц, может, забудет в хмельном-то угаре!

А ведь, есть свои плюсы и в том, что я, пусть и временно, поживу в чужом доме. Есть и ещё один - хоть выплусь!

Матвей, может быть, и заметил, что я вернулась с пустыми руками, но вида не подал, чем очень меня обрадовал - очень уж не хотелось объяснять.

В магазине он вёл себя, как настоящий джентльмен - возил тележку, набирал овощи, ну, и платил на кассе. Со стороны мы, наверное, выглядели влюбленной парочкой, потому что все время смеялись - он был весёлый и остроумный парень. И мне такие очень нравились. Раньше. Теперь я ловила себя на мысли, что мне было бы интересно, как бы себя вёл на месте Матвея его старший брат. Какой он был до аварии? Такой же весёлый? Или, может, спокойный и уравновешенный?

Когда приехали назад, я стала разбирать покупки, а Матвей отправился купать брата. Вот все-таки какие они молодцы - вон, как один помогает другому. Не то, что моя сестрица! Ей не то, что я - дочка с матерью не нужны!

Потом Матвей уехал. Роман закрылся в своей комнате. Я долго смотрела телевизор, потому что просто не знала, чем себя занять. Потом отправилась спать в комнату Ольги Петровны.

Было как-то ново и удивительно лежать в постели, неспеша вымывшись в чистой ванне (хозяева просили вести себя, как дома, чем я решила пользоваться) и при этом чувствовать спокойствие. За годы со смерти отца я не чувствовала такого спокойствия. И это, несмотря на то, что в соседней комнате находится совершенно чужой, мало знакомый мужчина.

Интересно, он уже спит? Или, может, сидит за компьютером? Вот бы посмотреть одним глазком, что происходит в соседней комнате! Но глаза сами собой закрылись и я заснула

10 глава. День третий

Разбудил меня громкий мужской крик. Я, вскочив с кровати, заметалась по комнате. Первой мыслью было, что Витьку прибили его же дружки. Только когда крик повторился, я вспомнила, где нахожусь. Роман кричит? Что с ним?

Побежала в соседнюю комнату. Приоткрыла дверь, несмело шагнула внутрь.

Он лежал на кровати, на спине. Голова металась по подушке, руки сжали одеяло. Он что-то шептал. Мне показалось, что Роман испытывает страшную боль, так напряжено было его тело. Ему так больно, что он не замечает меня?

Позвала его по имени. Никакой реакции. Подошла к нему ближе. Все лицо покрыто капельками пота. Что он говорит? С трудом в бессвязном бормотании я разбирала слова: "Мама... нет... не надо... Вадик..." Он спит, что ли? Может, ему снится кошмар? Точно! Что же делать?

Нужно его разбудить...

- Роман, проснитесь!

Никакой реакции. Как же жалко его! Бедненький! Что же делать? Попыталась потормозить его за плечо. Потом положила ладонь на лоб. От прикосновения к прохладной влажной коже я почему-то вздрогнула. Он снова что-то прошептал. Я наклонилась к его лицу, пытаюсь разобрать. Кажется, повторяет: "Ничего не говори". Это мне?

- Рома! Просыпайся!

Рука сама стала гладить его по волосам, по щеке. Мне было жаль его, но собственные ощущения перебарывали. Присела рядом с ним, на самый краешек кровати. Взглядом впитывала, втягивала в себя каждую черточку его лица - не могла оторваться. Да, он ведь все равно спит, не заметит и не узнает!.. Какой он! Тёмная щетина на щеках, подбородке... Ресницы черные короткие, но густые... Брови... даже они мне казались красивыми. Пальцем провела по ним, стала подушечками пальцев вытирать вновь выступившие капельки пота...

Боже, что я делаю? Это же чужой человек. Я его почти не знаю. Зачем я его трогаю? Вдруг поняла, что он успокоился, что больше не мечется по постели, не шепчет, дыхание выровнялось, руки отпустили одеяло и спокойно лежат вдоль тела. Может, это я его успокоила? Продолжала гладить по темно-русые жестким коротко стриженным волосам.

Может, нужно уйти? Но не могла оторваться, отодвинуться от него. Так и сидела, пока не заметила, как дернулись, а потом взметнулись вверх ресницы. Карие глаза непонимающе уставились на меня. И я, как кролик на удава, смотрела и не могла отвести взгляд.

- Ты? Что ты здесь делаешь? - голос хриплый, злой.

- Ты кричал, - не заметила, что говорю с ним "на ты".

- И давно ты здесь? - тон не предвещал ничего хорошего.

- Ну, не очень...

- Уходи отсюда, и чтобы больше никогда... - я не дослушала, сорвалась с места и убежала.

Вот гад! Что я ему сделала плохого? А я его еще жалела - бедненький! Какой же он... просто нет слов. А я еще пялилась на него, как дурочка! "Какой он красивый!" - думала... Наглец! Металась по чужой комнате, не знала, как выйти теперь из нее и что сказать. А, вообще-то, я ничего плохого не сделала. Буду вести себя так, как будто ничего не произошло. И поменьше обращать на него внимание!

Было еще очень рано, но спать не хотелось. Что дальше? На кухню. Сварила кофе - дома я такое удовольствие не всегда могла себе позволить. А тут до завтрака (его завтрака!) еще два часа. Можно и о себе подумать. Налила кружку, стала возле окна. Раннее утро. Город только-только начал просыпаться. Сегодня будет жарко - вон какая дымка, как молоко окутывает улицы! Почему-то накатило чувство одиночества. Мама с Лизой далеко. Я одна в городе,

я все время одна. Мне не так уж и много лет - двадцать семь всего лишь! Но ведь мои одноклассницы уже давно замужем, у большинства - дети. А у меня? Я люблю Лизу. Она для меня больше, чем племянница, я ращу ее лет с четырех. Но...

Сердце сжалось в груди, когда подумала о малыше, о ребеночке, которого я бы, конечно, хотела иметь. А муж? Для создания ребеночка нужен мужчина. Конечно, юность, молодость, а с ними влюбленности, не обошли меня стороной. Я встречалась с парнями. Но ни один не затронул сердце настолько, чтобы захотелось выходить замуж, рожать детей. Влюблялась, да, но не любила ни одного. Может, поэтому не сложилось до сих пор. А ведь пора уже! Давно пора. Я думала о том, что в сердце моем столько нерастроченной любви и нежности, что хватит на большую семью, где найдётся место не только для мужа и парочки детишек, но и для моей мамы и Лизы.

Вот бы встретить такого мужчину, который решил бы мою проблему с сестрой. Помог бы её вылечить. Мне не нужны несметные богатства, просто нужен человек, способный меня защитить, ну, еще добрый и ласковый... Совсем не такой, как это чудовище!

Ой, кажется, завтрак ему пора готовить. Только что? Нужно идти спрашивать.

Постучалась.

- Входи.

Зашла и снова, хотя обещала себе этого больше не делать, уставилась на него. Он был голый по пояс, занимался. О-о, за что мне это? Ну, почему природа в отместку за отвратительный характер не наделила его худенькими ручками, сутулыми плечиками и полным отсутствием мускулатуры? Ну, почему все и сразу и одному человеку? Он, удивленно подняв бровь, спросил:

- Ты что-то хотела?

- Да... - пришлось откашляться, потому что от увиденного голос сел. - Э-э, что приготовить на завтрак?

- Мне все равно. Что хочешь.

Целый день он провел в комнате. Мы встречались только на кухне. Мне казалось, что в квартире царит какая-то гнетущая атмосфера, которая однозначно должна рвануть...

Наверное, из-за этого напряжения была очень рада, когда вечером приехал Матвей. Он пробыл у брата недолго, судя по звукам из комнаты, они поругались. Но Матвей зашел ко мне на кухню весёлый и с порога заявил:

- Собирайся, поедem в кино!

- Что? Какое кино?

- Не хочешь в кино? Пошли в кафе!

Хочу, хочу, очень хочу куда угодно, только подальше от злого мужчины, сидящего в соседней комнате. Но спокойнее, не нужно так показывать свою радость...

- Почему же, хочу в кино, - бросила на него кокетливый взгляд. - Только я же на работе...

- А вот это уже не проблема. Я, как твой работодатель разрешаю тебе пару часов отдыха!

А почему бы, собственно, и нет? Я в кино-то была в последний раз, когда ещё училась в институте. Быстро переоделась, подкрасилась. Оглядела себя в зеркало - а ничего, сойдет! Вон глаза как горят!

Уже у порога вспомнила о своих обязанностях.

- Матвей, а Роман один останется, это ничего?

- Аля, он уже взрослый мальчик, ничего с ним не случится.

Но я все равно переживала. Все-таки мне платят деньги, а значит, нужно выполнять работу качественно. В кинотеатре я, хоть и смотрела в экран, думала о том, что, наверное, зря согласилась. Пока в темноте зала в какой-то момент Матвей не положил свою руку на мою...

11 глава

То, что целый день я вёл себя, как последний идиот, я понял, когда они ушли. Что, собственно, она сделала мне плохого? Ну, зашла в комнату утром. Так ведь ее никто, видимо, не предупредил, что я не только инвалид, но еще и псих, которому каждую ночь снятся кошмары!

Но очень уж не хотелось, чтобы кто-то, а особенно она, видел меня в таком состоянии. Конечно, Аля прибежала, услышав мои крики, она же должна мне помогать - для этого ее и наняли. Наверное, думала, что мне плохо, что у меня приступ какой-нибудь.

Целый день обдумывал, как извиниться, как объяснить свое поведение. Я всегда смутно помню тот момент, когда выхожу из кошмара. Вот и сегодня... Но почему-то мне казалось, что она не просто сидела и смотрела, как я корчусь на кровати. Она что-то говорила, шептала мне. А еще... гладила по голове? Не уверен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.